

Для Семьи

Княжна попаданка • 4 • НЕВЕСТА ИЗ ТЕМНИЦЫ •

Дия Сёмина

**Княжна попаданка 4.
Невеста из темницы**

«Автор»

2026

Сёмина Д.

Княжна попаданка 4. Невеста из темницы / Д. Сёмина —
«Автор», 2026

Я с того света возвращенка, а значит, нечисть, русалка? «Любящий» жених от своей лютой страсти приказал меня клеймить и сослать, объявив ведьмой. Но поторопился ты, князь Московский, без дознания невинную деву наказывать. Ничего, сейчас Магическая управа придёт, и всё по порядку разберёт, виновных найдёт, и меня спасёт. Только бы не опоздали князя варяжские, с севера дорога дальняя, а у меня времени ой, как мало. Альтернативная Россия. Магический мир. Детективная линия. 4 книга (заключительная) Серии "Княжна попаданка" Непростая история женитьбы Князя Орлова

© Сёмина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Невольница князя	5
Глава 2. Тревожные слухи	7
Глава 3. Настоящая любовь	12
Глава 4. Горькая малина	15
Глава 5. Заботы женские	20
Глава 6. Гостеприимство	25
Глава 7. Печальные известия	30
Глава 8. Накануне вечером	33
Глава 9. Аромат жасмина	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дия Сёмина

Княжна попаданка 4. Невеста из темницы

Глава 1. Невольница князя

Княжество Московское

Открываю глаза, закрываю – ничего не меняется, темнота поглотила очертания комнаты, и не только комнаты, но и памяти. Не могу вспомнить, как попала сюда, почему лежу в постели и не могу подняться. Сил нет совсем, даже позвать на помощь не могу...

Резкий звук засова металлом прошёлся по слуху, и в голове снова зазвенели колокола, словно на Пасху. От боли зажмурилась...

— Вот она! Токмо молю, вызываю к разуму, укрепите ваше мужское, не прельститесь на красоту.

Неприятный, стариковский голос проскрипел совсем рядом, и вспышка света заставила мои ресницы вздрогнуть.

— Она живая? Посвети ближе, мать честная, это не она? Вы подменили мою невесту, окаянные. Хотели меня обмануть, и свою девку боярскую подсунуть.

Кто-то, не стесняясь, прорычал, и так страшно, что я открыла глаза и от страха вскрикнула. Янтарный свет от свечи выхватил из тьмы две «рожи», может, не так они и страшны на самом деле, но показались жуткими образинами. Сразу же сильная рука старика зажала мой рот.

— Молчи, перед самым князем орать вздумала!

— Антипий, отпусти её! Это приказ! Не посмотрю на сан, выдерну руку по самое плечо, если ещё тронешь княжну...

— Князь, Юрий Борисович, не гневайся, ох уже прельстился. От ведьма проклятая, не теряет времени на свои чары! Желаете доказательства, что, подмены не было? Так и вот они вам, — старик бесцеремонно задирает длинный рукав моей рубахи и подсвечивает. — Вот небольшой шрам, такое подделать нельзя, это она и есть Елена Иоанновна Волконская. Но была молью бледной, а как магию-то свою раскрыла – так и вот, полюбуйте. Восставшая она, с того света возвращенка!

— Та-а-ак! Ироды, окаянные! С того света? Княжна Елена? Как она туда попала, вашей ли волей? На девицу знатного рода руку подняли?

Не дожидаясь ответа, громогласный мужик стрёб меня в охапку, оттолкнул старика и понёс из душного подвала вверх. От резких движений и тряски снова нестерпимо разболелась голова.

Но те обвинения, что я услышала, гораздо страшнее боли.

— Таисья, позаботьтесь о княжне. Приведите в чувства, опоили её наши радетели за благость, борцы с магией, — прокричал и вдруг замер. Так и стоит в центре ярко освещённой комнаты, и смотрит на меня, словно впервые видит, но мы же встречались накануне, он мой жених...

В голове внезапно прояснилось, словно в подвалах для этого не хватало света и свежего воздуха. Вспомнилось всё-всё, до того момента, как мне поднесли слишком сладкий сбитень и потребовали выпить, якобы от хвори, какая вдруг объявилась в городе. И дальше тьма и страх.

— Кто ты такая? Ты не Елена, похожа, но не она. И шрам есть, и лицо вроде одно.

Опомнился и поспешно скинул меня на кровать, брезгливо отряхнув руки, как после грязной кошки, посмеившей после улицы грязными лапками, запрыгнуть на колени хозяина.

Так и смотрит с бесконечным удивлением, ждёт ответа? А что мне сказать, только правду:

— Я Елена, помню, как заставили меня ваши люди выпить из большого кубка горячий сбитень, а потом чернота.

— Кто заставил?

— Двое сказали, что лекарь и вот тот, что сейчас мне рот зажимал, — шепчу сквозь слёзы.

— Таисья – неси зеркало!

Через минуту передо мной вспыхнул пожар. Свет от окна зажёл отражение, или то, что появилось на зеркальной поверхности само по себе огненно-яркое, и это что угодно, но только не я.

Князь повернул зеркало удобнее, и я с ужасом увидела себя новую, совершенно иную.

— Это же не я... Что вы со мной сделали? Вы меня околдовали? Специально, чтобы сослать, захватить моё наследство, а жениться на другой? Требую защиту! — ору так, что самый последний стряпчий в городе услышит. — Я этого так не оставлю, никакая я не возвращенка, и не ведьма. Это ваших подлых рук дело! Позовите моего дядю, я требую!

Последняя моя надежда – слово дяди. Если он подтвердит, что меня опоили и превратили в рыжеволосую, огненную ведьму, то я потребую наказать преступников.

— Ваш дядя Глеб Степанович и предупредил нас, что вы, сударыня, самая настоящая ведьма. А у нас в княжестве Московском любой ведьминский промысел под строжайшим запретом. Не сердчайте, князь, уж лучше так, до свадьбы вывести окаянную, на чистую воду, чем опосля. Наше дело такое, неблагодарное, спасибо никто не говорит, однако и без нас, сколько бы зла помножилось, — костлявый противный старик в тёмных одеждах уже прибежал и снова обвинил меня в своём же преступлении.

Жду хотя бы слово от Юрия в свою защиту, но он вышел, хлопнув дверью, и я осталась одна со своим омерзительным обвинителем.

Дорогие друзья, приглашаю вас в новую историю непростой женитьбы князя Орлова. В этой книге новые герои и уже полюбившееся нам Фирс Демидович и Роман Андреевич. Непростое задание у князей варяжских: уговорить соседей на союзный договор и спасти прекрасную Елену, разгадать тайны прошлого и настоящего.

Глава 2. Тревожные слухи

Тверь

— Непозволительно долго задержались мы в Твери, и город не так велик, и значение его не столь важно, как скажем, у Нижнего Новгорода или Москвы. А сколько пришлось местную знать обхаживать. Эдак мы союз не успеем и за десять лет создать, — посетовал Фирс Демидович, оно и понятно, дома его ждёт молодая, любимая жена Василиса, а приходится высшую политику, как сети рыбацкие плести.

— Полно вам, батенька, сетовать. Не только Тверь, мы за это время успели и с Торжокскими боярами, и с князем из Владимира побеседовать. Этой лишней неделей в Твери, мы себе месяц выкружили, уже можно самим и не мотаться на восточные земли, они сами приедут. Разве же не повод для радости, — Роман Андреевич Орлов собрал свои вещи в большой дорожный мешок, осмотрел горницу, служившую им приютом последние недели, и вышел за Фирсом.

— Мне очень нравится ваш настрой, Роман Андреевич, вы во всём видите хорошее. А я что-то превращаюсь в ворчливого мужика! — ухмыльнулся Фирс, теперь тоже радуясь, что дело сдвинулось и они, наконец, выезжают в Москву. — А из местных девиц-то вам ни одна не приглянулась? Ваше-то дело так и не решилось?

— Женьба-то? Нет, бесспорно, девушки красивые, и мне старательно их показывали, порой и до смешного доходило, уж как гусыню перед носом туда-сюда одну боярышню гоняли, когда мы на ярмарку вышли давеча. Но я пока ни к одной не имею душевного влечения, хоть бы в треть такого же сильного, как у вас с Василисой. А на меньшее я не согласен.

— Эх вас, батенька, Катерина Матвеевна за душу задела, так и не отпускает? — сочувственно посетовал Фирс Демидович и, не дожидаясь ответа, вышел на двор.

Как тут ответить, разве ж отпустит, такая красавица, да магией наделённая. Ни на кого пока Роман Андреевич и смотреть не может, да и не хочет...

Архип Павлович уже всё собрал к поездке, кареты ждут пассажиров, эскорт по приказу воеводы готов выезжать. Осталось дожидаться попутчика, опытного переговорщика из Твери, боярина Фёдора Антоновича Морозова, оказия у него появилась, вот и решил прокатиться. Что-то он нагнал накануне сомнений насчёт Московских, сам же в них и поверил, да вызвался поддержать молодых князей.

Есть, по его мнению, некоторые непреодолимые причины, весьма вероятно, что все двери перед молодыми князьями-то в Москве и захлопнут. Фирс и Роман даже не поняли, в чём

корень проблемы, вроде открытого противостояния с княжеством Московским нет, воинственных заявлений тоже, по землям претензий нет. Но Морозов лишь усугубил непонимание, заявив, что расскажет детали дела по дороге.

— Прошу меня простить, задержался, пока переслушаешь все наставления жены о покупках на большой ярмарке, — он решил не продолжать, махнул рукой и сел в карету к Фирсу и Роману, своему кучеру приказал не отставать.

— С Богом! — крикнул Архип, и обоз тронулся в путь. До Москвы тоже неблизкий путь, учитывая, ценность княжеских коней, которых менять на остановках Орлов категорически отказывается. Посему, то расстояние, какое посыльный может и за день промчаться — этот обоз проезжает за пару дней.

— Ну-с, вот мы тронулись в путь, поведайте нам, что такого ужасного ожидает путешественников в Москве? — Фирс удобно устроился на широком сидении и решил не откладывать в долгий ящик разговор. Пока собеседников дорога не разморила, можно и поговорить.

— Не всех. Только вас, из Новь-града посланцев. Видите ли, слава-то мигом разнеслась о вашем призрачном князе Гуннаре, о царевне-лебеди распрекрасной девице Катерине Лебедевой. И о магии вашей, непревзойдённой.

Орлов с Фирсом переглянулись, уловив какое-то неприятное послевкусие от услышанного, показалось, что эти слова кто-то впервые решился высказать в лицо, как намёк на обвинение от лица обывателей. И не потому ли в Твери дело переговоров так буксовало на пустом месте.

— Уже любопытно, но вы нас не выставили. Приняли, выслушали и согласились.

— Да, нам потребовалось время на рассуждения между собой. И мы также понимаем, что без магии нам свою волю перед врагами не отстоять. Тем более перед Казанской угрозой. Мы свободны в выборе, не такие богатые, на нас никто не посягает.

— Та-а-ак! Интригу вы, батенька, создали, ближе к делу, что в Москве происходит? Я уже как дознаватель Магической управы чую подвох и нешуточный.

Фёдор Антонович кисло улыбнулся, скорее поморщился, сел удобнее и, опершись на массивную трость, решился на откровенность:

— Ходят слухи, да уже и не слухи, есть тому доказательства, что в Москве секта всем заправляет. И не магическая, да и в бога они не нашего верят, а в какую-то его ипостась, что-то с очищающим огнём связано. Старший брат моей жены канонический священник, он мне сие данные первый и рассказал. Уж патриарх Московский борется с ними, да куда там — плесень. Истинно плесень. Они захватывают умы, обращают и соблазняют встать под свои знамёна многих состоятельных. Многие уже и встали.

— Вот тебе и кулички, напекли да разлетелись. И против кого сии борцы выступают? — проворчал Фирс, но и сам догадался, начало-то речи само за себя красноречиво поведало.

— Против любого проявления магической силы. Сеют в головах неприязнь, и распускают слухи, что Новь-град под бесовскими силами пал. А Москву они не сдадут, при любых условиях и за ценой не постоят. Не все, но пособники этих оголтелых фанатиков всё же и во власти, и в думе есть.

Боярин Морозов замолчал, давая возможность собеседникам поразмыслить о новости.

— Допустим, но эти горячие заявления, только на словах, или есть ещё и какие-то реальные факты? Может быть, события или преступления, как секта себя проявляет? — Фирс Демидович вспомнил о своём призвании, дело показалось интересным, но опасным. Против целого города с отрядом в шесть человек и с одним боевым магом — не очень много шансов на победу с наскока. Тут скорее нужно продумать хитрость, и думать нужно быстрее.

Уже успел пожалеть, что с ними нет Гуннара и Гарма, да и Катерина Матвеевна со своей книгой, ко двору прилась бы. Как в Пскове за три дня управились. Так и тут бы. Да просчитались.

— Со слов моего же шурина, есть обвинённые в колдовстве. Знахарки в тюрьму брошены, магически одарённые подвергаются гонениям. Костров на площадях как в Европах пока не жгут, но по-тихому расправляются. А под это дело и с неугодными. Повод для сего гонения случился чуть менее года назад. Станным образом, захворала и умерла жена правящего князя. Боярская дочь, красавица Лукерья Мироновна, и смертью загадочной с магической отравой связанной. Уж с того момента и началось, а сейчас, година траурная у князя завершилась, невесту выбирает из знатных девиц. А посему не во дворец мы с вами едем, а в змеиное логово, где каждый род сейчас пытается свою девицу подсунуть. Более ничего не знаю.

— Вот так новости, а раньше-то, чего же молчали. Может, и не стоило ехать? — Роману Андреевичу эта новость больше всего пришлась. Появилось предчувствие, что о княжне Елене не просто так известий нет. Неспроста молчат, как бы не сгинула несчастная в этом брачном водовороте, уж богатых сирот и защитить некому.

Фёдор Антонович, довольный, что удалось нагнать на молодых князей трепета, улыбнулся:

— Стоит, вы молодые, уважаемые, но магией наделённые, однако, ежели я по своим связям поговорю, да и устроим переговоры, скажем, что дело общее, не только Новь-град заинтересован, но и все другие города, уж поди послушают. А начнётся неприязнь, ну что ж, останусь продавливать, а вы далее в Тулу, да Рязань. Вам в любом случае это дело завершить надо. Москву не объехать.

— Ну что ж, посмотрим, что там за секта обосновалась. Чую, что без тайного мага дело не обошлось. Никогда не бывает иначе. Явно какой-то злодей решил себе вотчину расчистить. Вот чья дочь замуж за князя выйдет – в том подворье зачинщика и искать.

— Экий вы быстрый, — посмеялся Морозов над словами Фирса.

Но тут же осёкся. Орлов так посмотрел, что веселье как рукой сняло:

— Фирс Демидович, опытный дознаватель, если что-то говорит, значит, примерно так оно и есть.

— Понимаем, все мы в чём-то хороши. Но есть у меня к вам предложение, разместиться не в светском подворье, а со мной к шурина в монастыре большой дом есть для важных гостей и паломников, и вас в тёмной магии не заподозрят.

— Хороший совет, подумаем, но мне отец дал письмо к своему старинному другу, полагаю, что стоит нам к боярину Елизову заехать, он обидится, коли не примем его гостеприимство. Но если не заладится, в свете открывшихся событий, то, конечно, приедем на постой в монастырь.

Засим разговор иссяк. Боярина разморило, и он с благостным видом пересел в свою карету, под присмотр к верному слуге: чайку плеснуть, спину почесать. Да проспаться бы дольше, пока дорога позволяет и не вытрясает душу из путников.

Он-то своё дело сделал, а молодых князей озадачил, очень нехорошие предчувствия появились. Но в одном боярин прав: «Москву не объехать!».

Фирс Демидович теперь князь

Глава 3. Настоящая любовь

Оставшись вдвоём, князья задумались. Очень непростая ситуация складывается. А если сложить воедино все факты, даже самые малые и незначительные, то по всему выходит, что едут они в тупик. Слухов о мощных магах в Москве нет, а раз появилась секта, то кто-то тайно воду мутит, и насколько эта муть заполнила умы элиты, даже представлять не хочется.

— Есть нехорошее предчувствие, относительно Москвы, может быть, Морозов и усугубил, чтобы нагнать на нас страхи и себе важности добавить. Но как бы не хуже дела обстояли, вот чего опасаюсь, — очень серьёзно поделился мнением Фирс.

— И что делать? Свои порядки не установим, приедем сразу к князю, а у него сейчас иное на уме, не до нашего посольства ему. Да и про Елену как-то узнать не мешало бы. Что-то волнение есть, она сиротка, и наследство у неё внушительное. По-хорошему князь её первую и должен взять. Да если она красивая, как на портрете, что нам привезли, пусть и скромнее, но чем не невеста?

— Есть у меня план. Пусть Морозов своими делами занимается, а мы для начала в Управу заедем, завтра по полудню должны приехать, вот и посмотрим, что нас ждёт. Даже если ничего мне не скажет глава сыскной службы – сам прочту и многое увижу, не такой сильный дар ясновидения имею, как у Катерины Матвеевны, однако и его хватит. Выясним...

— А вот такого мелкого, как Фенька, нам как-то раздобыть нельзя? Очень в таких скользких делах сподручный компаньон. Не хочется, как-то на рожон с наскоку, тем более раз там секта обосновалась, — Роман улыбнулся, не успев договорить, как заметил хитрую улыбку на лице Фирса. — Я чего-то о вас не знаю? Неужто есть помощник, кроме Гарма?

— Есть. Вася мне в дорогу снарядила, волнуется любимая. Придёт время, покажу, не столь разумный, как Феня и Гарм, но шпионить, да помогать по мелочи обучен. Не питайте иллюзий, мы мужчины, у нас редко магические помощники появляются – Гарм скорее исключение, да он и не помощник, скорее компаньон, очень у него вольный нрав. Так что, довольствоваться тем немногим, что есть и не пенять на долю боевых магов.

Орлов присмотрелся и улыбнулся, удивительно, почему он не видел раньше, что на плече Фирса притаилась какая-то мелкая тварь. А тварь сидит себе, и невидимую лапу нализывает, видать привычки-то остались.

— Да это кошка?

— Что? Показалась? Значит, доверяет, старой бабки травницы котейка, так при Васе и осталась жить призраком, говорит плохо, диковатая, деревенская, что с неё взять. Чудом от Гарма спаслась, и ещё осторожнее стала. Но за то и ценю, что умеет прятаться так, что и почуять невозможно. Да и не подпадает она под ранг тёмных, так, призрак кошки, на таких внимания и не обращают.

— Какая полезная помощница, однако. Теперь я спокоен, есть кому Елену отыскать.

— Нам бы хоть какой-то её личный предмет заполучить, я сразу всё узнаю и увижу, тогда и продумаем план, сейчас предчувствия есть и нехорошие, не хочу вас пугать. Но видел сон накануне, девицу в гробу, как распознать сие видение, ума не приложу, но подозрения есть, что задумали у девы наследство отобрать, а её на тот свет изжить. — Фирс на полуслове замолчал, взглянул в окно на деревеньку, мальчишек, сидящих стайкой на заборе, и собак, решивших облаять богатый обоз. Как только развлечение закончилось, продолжил. — Вот у меня какой вопрос к вам, князь.

И снова многозначительно замолчал на полуслове, заставив Орлова кивнуть, разрешая задать не самый простой вопрос, и, кажется, Роман уже догадался, о чём речь.

— Допустим, Елена в худшей из всех возможных опасностей. Допустим, её объявили ведьмой и готовы кинуть в подземелье или сослать в монастырь. Если боярин Елизов напи-

сал в письме, что её несчастную уже давно никто не видел и не слышал, как в воду канула. Допустим, мы найдём, где её держат, и девица вам понравится, готовы ли вы отказаться от её приданого, скорее всего, на которое уже позарились многие. Есть такие подлецы, что ни перед чем не остановятся, лишь бы расширить свои богатства, но на откуп могут согласиться, вы им наследство, они вам деву, несправедливо, но, возможно, нет у нас иного способа спасти её из полона. Или богатства для вас немаловажны?

— Как князь, я обязан отстоять её право на собственность. Но как маг-лекарь, я обязан сделать всё, чтобы спасти девицу. Даже если она не моя суженая, спасти человека из беды наша обязанность, ваша, как дознавателя, моя как лекаря. Уж не такие мы бедные, чтобы одной женщине не помочь, что уж цепляться, так, возможно, мы и договор сможем заключить. Если такова цена, я готов её заплатить.

Фирс улыбнулся.

— Верный подход. И вот что я скажу: если с переговорами не получится, то переломить ситуацию даже пытаться не будем. Сразу дальше проедем, нам не так важна Москва сейчас, как Смоленск, Тула, и южные княжества, там сейчас ситуация нестабильная.

— А как? Вы же понимаете, что достаточно одного беса, как тот самый Корри, и всё прогнёт. Нельзя такой значимое княжество упускать, что же в самом центре нашего союза останется город под властью некой секты? — Орлову показалось, что Фирс Демидович переоценил свои способности в политике.

— Но мы и не будем. Сейчас разведка боем, переговоры провести попытаемся. Если не заладится, дождёмся батюшку Гуннара из Казани, и с Катериной Матвеевной, да с Гармом наведём чистоту и порядок. Чуть позже, чуть раньше, это уже особой роли не играет. Одно утомительно, дважды такое расстояние преодолевать не хочется, но для пользы дела придётся.

— Это Вы, Фирс Демидович, к тому, чтобы я волновался насчёт Елены и вашего тревожного сна?

— Это я к тому, что пока не могу определить, что для нас важнее, спасти девицу, или спасти город.

Фирс снова взглянул в окно, заметив какое-то движение лесу, может лось или другой зверь. Но на ход кареты дикое животное не повлияло.

— Елена — законная наследница княжеского престола. Боюсь другого, что князь не дурень, у него возникло нешуточное противостояние с опекуном из-за наследства. Раз уж Юрий Голицын вдовец, то жениться на богатой сироте, даже против её воли, самое первое, что может прийти мне на ум. И скорее всего, он уже сделал это. Так что все наши разговоры относительно спасения девицы — уже мало чего стоят. Останется только поздравить молодых, вздохнуть и продолжить искать себе новую невесту, — посетовал погрузневший Орлов.

Фирс хмыкнул, и довольно надменно покачал головой, уж надменности в нём вообще никогда не замечалось, но то в повседневности, а в душевных делах долгие него никто в бобылях не ходил.

— Я семь лет ждал встречи, кто бы мне сказал, что полдня проехать и вот оно моё счастье, от которого сердце даже у меня, бывшего мужа, трепещет, но никто не сказал до срока, где искать мою любимую. Потеряны ли эти семь лет? А не могу сказать, видать, раньше я бы не решился взять простую, деревенскую девицу, гонора больше было, на боярских невест заглядывался. Но как увидел борьбу князя Дмитрия за счастье, как он отстаивал своё право жениться на Катрине, то и во мне всё перевернулось, иначе на жизнь смотреть стал.

— Ведь совет какой-то дать желаете, говорите, я же и сам понимаю.

— Нет, не понимаешь. В тот момент, когда ты встретишь свою единственную, вот ту самую. Мир перевернётся. Костями ляжешь, чтобы добиться её любви истинной. Катенька не твоя, была бы твоя, ты бы сдох как пёс от тоски, но ты со мной едешь в карете и рассуждаешь о невестах. Не созрел ты ещё, до большой любви, как и я не созрел ещё год-два назад. Вот

мой совет. Если можешь прожить без женщины, даже тоскуя по ней – не твоя она! От своей никогда не возможно отказаться. Никогда. Если тебе всё равно на какой жениться – женись на первой встречной. Они все для тебя одинаковые будут! Все, кроме одной! Хочешь так же, как Дмитрий и Катрина – ищи сердцем и не стеной, что время уходит.

— Ох...

На глазах Орлова вдруг проступили слёзы. Такого обличительного совета он вообще не ожидал. И ведь от кого, от спокойного Фирса, кажется, ему-то эти любовные страдания вообще чужды. А оно вон как всё серьёзно.

Стукнул Роман Андреевич в стену кареты, как остановились, пересел на свободного жеребца и помчался вперёд, остыть, да своё мужское переосмыслить...

Глава 4. Горькая малина

Княжество Московское

Третий день Юрий Борисович находит себя в неприятном смятении. Хотя и вида челяди не показывает, но нарастающее недовольство множится и прекратить сие закипание всё сложнее.

— Ваше сиятельство, в Думу бы проехать, вы же собирались, совет держать...

Дьяк, опасаясь господского гнева, остановился поодаль, и очень тихо шепчет, напоминая о делах. А сам уже трижды подумал, что бабу бы князю найти, и всем спокойнее станет. Ох, оно мужское начало, покоя от ретивости нет, а ещё весна на пороге, уж по весне-то...

— Что ты сказал? — сделав вид, что читает важное донесение, Юрий Борисович раздражённо переспросил.

— Весна на пороге, ой, не про то я, а про Думу, надо бы проехать. Есть сведения, что из Новь-града к нам князья едут с великим посольством, — еще тише повторил донесение, смущаясь, что ляпнул про весну лишнего, — хорошо, не про бабу...

— Весна, говоришь. Посольство? Подождут. Я вчера послал за девицами, две боярышни, и одна графиня, польская полукровка, хороша, очень хороша.

— Вирина Казимировна. Да помним такую, строптивая, не с первого раза приехали к вам на смотрины. После того как её отвергли, и вовсе не поедет.

Юрий поднял голову и внимательно посмотрел на дьяка, удивился, что есть кто-то в его вотчине, да ещё нерусские и такие строптивые.

— А что её так задело? Графиня, только титул из богатства и остался, земель — тьфу, коту вздремнуть негде, доходы тоже так себе. Да, красивая, но...

На этом слове «красивая» в сознании вдруг вспыхнул огонь. Перед глазами чуть не искры.

Швырнул письмо, какое читал, вскочил из-за стола и, оттолкнув испуганного дьяка, выбежал из кабинета.

Сам не понял, как оказался в старой части дворца, прошёл в маленькие кельи, где живёт самая последняя прислуга. Открыл дверь своим ключом и на пороге замер...

— Что ты со мной сделала? — прохрипел, и не в состоянии отвести взгляд от огневласой пленницы.

— Стучаться вас не научили? Вы хоть и князь, но мой род древнее и богаче вашего! Хотя, наверное, меня уже ограбили вы и мой липовый «дядя-опекун», так какие ко мне претензии? Всё забрали, под замок посадили, ядом опоили, теперь ещё в колдовстве обвиняете. Была бы у меня настоящая магия – осталась бы я тут, как же?

Елена встала с постели, стоит на каменном полу босая, в простом платье, русалочьи волосы так в косу и не собираются, от гнева девицы огненные кудри рассыпались по плечам, заставляя сердце князя биться с неистовой силой.

— Мёртвая ты была, два дня в гробу лежала, сам за руку ледяную держал, сокрушался... И священник уж приходил, твою смерть все видели. Вместо нашей свадьбы отпевание назначили, а ты восстала. Ненавижу! Одурманила. Только о тебе и думаю, хочу и ненавижу, магии в тебе нет, говоришь? А красота твоя, откуда взялась.

Подожёл, и неожиданно для себя самого крепкой ручищей обхватил тонкую белую шею, заставляя пленницу поднять голову и посмотреть в глаза обвинителю. И как посмотреть...

— Ненавидишь? И я тебя! Давай сожми руку, половина Москвы сделает тебя героем, убившим ведьму, а нормальные люди назовут убийцей и слабаком, быстрым на расправу с

такой пигалицей. Но вы же уже растрезвонили, что я исчадье ада. Сжимай руку, сжимай, так хоть мучиться не буду. Вы меня отравили, на вас грех!

Последние слова она прохрипела, в глазах застыли слёзы. А у Юрия совершенно затуманило разум, словно зверь проснулся, а желанная, сладкая добыча уже в руках, и не там ему руку сжать хочется и не так держать её. Наклонился и коснулся поцелуем нежных, манящих губ своей нечаянной страсти.

— Малина...

Елена дёрнулась, попыталась отвернуться, но разве ж можно освободиться из крепкой хватки огромного мужика. Перехватил, обнял и прижал к себе.

Не помня себя от желания, простонал:

— Даже если жениться на тебе не позволят, наложницей сделаю. Моя собственность. На настоящую Елену непохожа. У той глаза были серые, волосы цвета спелых желудей, и полная справная телом. Да и кожа не такая белая, как твоя... Ты не она. И не смей называться княгиней. С этого дня ты моя девка, моя... Через неделю сама приползёшь ко мне в постель, сама согласишься на всё. И родишь мне настоящего сына, наделённого магией!

Прижал к себе, как припечатал, ещё раз поцеловал, но быстро, чтобы не получить укус «ядовитый», отпустил и поспешно вышел.

Сердце в груди места себе не находит, как в клетке птица долбится о крепкие стенки, не позволяя вдохнуть полной грудью. В горле пересохло.

— Ведьма и есть. Но моя! Эй, Проща – пленницу охранять, кормить два раза в день, никого к ней не пускать.

— Слушаюсь! — выкрикнул старший над слугами и на всякий случай проверил замок на двери.

Ошалелый от внезапного «свидания» со своей пленницей, Юрий вышел на подворье, вдохнуть прохладного весеннего воздуха, успокоиться, чтобы не пугать видом диким и свирепым челядь. И без того все прячутся, слышав княжеские шаги.

— Ваше сиятельство! Вот вы где. Так как же? Дума? Смотрины?

— Вези девок боярских и графиню. Если будут упрямиться, на боярских штраф за непослушание, а графине пригрози позорной высылкой, нечего здесь шпионов держать да спесь их слушать. Через пару дней готовь всё для свадьбы. Какая из трёх более всех приглянется на, той и женюсь.

— Ну, слава тебе, Господи! Наконец-то, решился, батюшка! Я мигом. К вечеру все придут.

И умчался, исполнять долгожданный приказ, по пути крикнув всем, кому положено, что свадьбу готовить пора, через два дня князь жениться изволит!

От внезапной новости дворец всколыхнулся, новость несколько минут держала всех в недоумении, а после прорвало как плотину, весть понеслась по улицам Москвы, заглядывая в дома, заполняя любопытством умы обывателей. Ведь не объявлено, кто избранница.

Через час от своих верных доносчиков «дядька» опальной княжны Волконской услышал новость, помрачнел, как грозовая туча, приказал срочно заложить карету и, только сменив камзол на парадный, помчался во дворец, требовать объяснений.

Во дворце довольно вольный уклад, строгого досмотра нет, никто боярина Корнеева не придержал и не спросил по какому такому делу пожаловал. До самого кабинета беспрепятственно прошёл, приказал лакею доложить и мгновенно получил дозволение войти.

— Здравие желаю, Ваше сиятельство! Уж не серчайте и не обессудьте, но новости не птицы, вылетают и все уж знают. О свадьбе объявлено. Так, а невеста-то кто?

— Да вот посмотрю ещё, но склоняюсь к выбору графини Виринеи Казимировны Яновской, хороша, манерам обучена получше наших, говорят, три языка знает...

— А Елена как же? Померла? А тело мне не выдали? — прохрипел испуганный Глеб Степанович, предчувствуя новую напасть. Особливо пугает, что наследство теперь совершенно непредсказуемо зависло, как ведро в старом колодце зацепилось за корень и ни туда, и ни сюда.

— Нет больше вашей Елены. И тела её тоже нет. Исчезла.

— Как сие возможно, хоть бы что-то же должно остаться?

— Хочешь взглянуть? Но вот садись, пока в своём уме и твёрдой памяти, пиши признание, что сам решился отравить свою племянницу, она и померла, и теперь все владения князей Волконских переходит в казну, десятина церковному престолу, десятина на благотворительность. Остальное мне! Пиши, иначе петля тебя ждёт, за преступный сговор...

Оглушённый новостью боярин едва сглотнул, но ком в горле не позволил сделать вдох. Покраснел, как рак, ослабил ворот и сделал шаг назад, пытаясь сбежать. Но дверь открылась, и двое бравых дружинников силой усадили Корнеева за стол.

Вот теперь и понятно, почему так легко оказалось войти, потому что легче всего дорога в западню.

— А если я откажусь? — прохрипел, продолжая краснеть и покрываться испариной.

— Петлю на шею и новый расклад: две десятины церкви, во спасение моей души, остальное в казну. Ты и порешил свою племянницу, чтобы наследством не делиться, посему забираю всё! Дело решённое. Пиши отказ и ещё вот эту бумагу с признанием переписать и подписать: что, та женщина, какую тебе сейчас покажут, не является княжной Еленой. Что подмена случилась, после того как ты свою племянницу сам же отравил, а мне другую девку подсунул.

Последних слов боярин Корнеев не расслышал, с грохотом завалился со стула на пол и захрипел.

— Какие мы нежные, пока не сдох, подписывай.

Один из дружинников вложил в дрожащую руку Глеба Степановича перо и вывел фамилию с припиской: «Корнеев, сие подписал».

Также поступили со второй бумагой. Не успел переписать признание, но подпись стоит, и дело доказано.

— Уберите с глаз этого преступника, это же надо. Уморил ради наследства собственную племянницу! Тьфу!

Дружинники взяли за руки стонущего боярина и вытащили на улицу, особо не церемонясь, запихнули в карету и велели везти домой, и если помрёт, то окажет всем огромную услугу, и себе прежде всего.

Испуганного кучера дважды просить не пришлось, стегнул коней и помчался, пока ещё чего страшного не произошло.

Глава 5. Заботы женские

Стоило захлопнуться двери за князем, как на меня напала жуткая тоска, такая, от которой спасения нет. Придавило, словно надгробие, и мысли такие же, на могиле матушки повыть, да кто ж меня пустит.

Одна осталась, обвинённая во всех грехах, мыслимых и не мыслимых. И самое ужасное я теперь как рыба кость в горле обезумевшего Юрия. То, как он сейчас дурь свою показал, ничего хорошего не сулит, сделает из меня девку, да уже сделал.

И управы на него нет.

От бессилья валюсь на твёрдую кровать, укрываюсь колючим куском войлока и затихаю. Если меня обвиняют в магии, должна же она у меня быть, ну хоть бы толика, заставить бы кого-то повиноваться, двери открыть да сбежать.

Но ни единого магического всплеска не чувствую. Да и обычные силы на исходе. Не дадут мне выжить, изведут. И ежу понятно, всем мешаю, и наследство моё уже поделено. Осталось только решить, кто мной позабавится.

Заняться совершенно нечем, хоть бы гребень дали, спутанные волосы расчесать.

В коридоре слышались голоса, кто-то довольно громко требует открыть мою дверь, да поживее.

Недолгая перепалка, засов снова лязгнул, и в келью вошла Акулина, девушка с княжеского подворья, что мне прислуживала в день смотрин, бойкая, проворная, но ко мне по какой-то причине прониклась сочувствием.

— Князь приказал, а ты Прошка, коли не веришь, поди и сам спроси! Уж я приказам князя послушиваться не намерена, розги на моей спине ещё не гуляли, вот и не надо мне этого! Чего встал, затаскивай корыто!

Бесцеремонный грохот заставил меня вскочить и посмотреть на происходящее. Акулина внесла ведро с тёплой водой, пар едва заметно клубится. В руке у неё внушительный узел с какими-то вещами, а недовольный Прохор втащил большую кадку, поставил на полу, только взглянул на меня и сбежал. Кажется, у всех мужчин страх передо мной, видят, как у князя крышу сорвало, вот и боятся подпасть под чары.

— Госпожа. Уж простите, пришлось врать, ну да как без женской хитрости. Обманула всех, да они ж побоятся переспросить у князя-то, был приказ, али нет.

— Это ты сама? Помыться? — не верю глазам своим.

— Ну да, а как же. Женщине-то без воды, зачехнуть можно, сейчас дверь подопру и помогу вам. Скидывайте это тряпье, вот ваше платье, бельишко. Ой, а вы босая. Ну дык, вот чулки чистые, а чуни мои возьмите, я босой добегу и другие обую.

Она проворно поставила кадуюшку как надо. На кровати разложила чистые одежды, кусок мыла, отрез белой ткани, гребень, зеркальце и шпильки.

Весь набор первой необходимости.

— Вот сие вам оставляю, на ужин придёт другая девушка, а завтра опять я загляну. Но что вам расскажу-то. Ох и делает делов-то, наш князь ненормальный, вот с дуба рухнул, помяните моё слово, скоро его дурь за пределы Москвы расползётся, и управы нет, хоть бы кто призвал мужика к уму-разуму.

— Меня не интересуют его дела! — они меня и правда не интересуют, но Акулину этот факт вообще не волнует. Она стянула с меня платье, заставила сесть в кадку, тесно поджав ноги к груди. Но иначе не вымыть себя и волосы одним ведром воды.

Поливает из кружки, тут же намыливает и не забывает сдабривать свою работу сплетнями:

— Наш-то объявил о свадьбе. Через два дня жениться надумал на графине Виринее, уж она надменная стерва. Хуже проклятья, ну и то бы нечего. Дядька ваш приезжал. Уж крики были в кабинете, обвинил князь боярина во всех смертных грехах, и довёл до припадка. Закинули горемыку в его каретку и отправили домой помирать. Не иначе.

— Вот аж до такого состояния опекуна моего довёл?

— А то, как же! Имение ваше прибрал, а дядьке приказал отказные, да повинные писать. Мне всё до последнего словечка лакей прошептал, у меня с ним шуры-муры, не то, чтобы хороший парень, но для пользы дела, чего бы и не улыбнуться добру молодцу.

Жду, когда очередной поток мыльной воды протечёт, и не могу поверить в то, что слышу. Князь сам решил забрать мои богатства, меня объявил фальшивкой и теперь женится на «настоящей», но нищей графине?

Уж в городе все знают, как это польское семейство в скупку последние драгоценности отнесло, а уж список кредиторов у Яновских обширный.

Даже обидно стало, нестоящую ведьму выбрал, а меня обобрал и всего лишил, даже дядьку на тот свет снарядил. Удалил последнего заступника, и теперь, когда придёт в следующий раз домогаться, его ничего не остановит.

— А какая тебе выгода, от помощи мне?

— Так, я без отца, мать целыми днями на подёнщине, теперь только хорошее место нашла, да меня пристроила, уж знаю, как к нам, сироткам относятся. А ещё мне очень хорошо заплатили.

Я от неожиданности дёрнулась, и вода расплескалась, поднимая голову и смотрю на девушку с таким удивлением, что и слова где-то застряли в горле.

— Тише, тише! Воды мало, больше-то не принести. А на волосах ещё пена. Давайте-ка смоем, вот так. Ну вот, теперь осторожно поднимайтесь, и в тряпку завернуться.

Она меня, как ребёнка завернула в большой отрез чистой ткани, вытерла и заставила пробежать на кровать, сразу стало холодно. Невыносимо холодно. Разговоры отложили, и скорее вытираться, одеваться и согреваться.

— Ох, заболеее, сейчас Прошку попрошу принести вам взвару, а то не дай бог застудитесь, холодно, вот бы князя сюда – остудить его дурь-то.

Она тут же крикнула за дверь, принести горячего, иначе княжна заблеет и помрёт, а розгами Прошку наградят, щедрая Акулина на добрые слова. Наконец, резкие движения закончились, проворная девушка оттащила таз с мыльной водой к порогу. И вернулась ко мне расчёсывать красные кудри, какие меня пугают, даже больше, чем всё, что сейчас происходит.

— Кто тебе заплатил? — шепчу, чтобы никто не услышал слишком опасный разговор.

Но вместо прямого ответа Акулина снова улетела в свои рассуждения.

— Какая вы стали красавица. Не понимаю я этих мужиков, хоть бы простых, али даже знатных, чо им надо? Была простенькой – не подходит, фендибоберу не хватает. Стала красавицей, что глаз отвести невозможно – ещё хуже. Дурьи башки, как такую красоту можно упустить?

— Он и не упускает. Объявит, что я не та, за кого себя выдаю. Поди дядька и отравил меня, испугался, что ежели князь на мне женится, а он собирался, я самая знатная была на смотринах, да и богатая. Слаще коврижки, бери да жуй. Но вот, видишь, как получилось. Не удалось меня изжить, так теперь сам дядька помрёт. А меня князь в любовницы желает взять. Но мне лучше смерть!

Говорю, а сама от жалости к себе слезинку смахиваю.

Акулина вдруг довольно больно дёрнула волосы, но я даже не вскрикнула. Это не боль, в сравнении с тем, что у меня сейчас творится с душой. Она истерзана предателями и узурпаторами.

— Не смейте так думать. Мне один боярин заплатил. Он отдал медальон вашего отца гонцу из Новь-града. Там такой пригожий князь, говорят, невесту себе ищет. И такой добрый, говорят лекарь, а добрее лекарей, токмо святые старцы.

Не успела она закончить, самую важную сплетню, как дверь распахнулась и вошёл сам Прошка с подносом, на котором кусок пирога и кружка с горячим напитком.

— Прошенька, будь милостив, забери корыто да ведро. Княжна обмылась, сейчас и я выйду. Видишь, ничего запретного не делаем, свои женские дела, и не более.

— У ведьмы. Знаю я ваши женские штучки. Наведут красоту, а потом нам мужикам майся, страдай.

— Ой, прям уж и страдай. У мужиков-то и сердце каменное, вам страдания неведомы, — девушка широко улыбнулась и подмигнула слуге, тот смутился, но на кислой mine даже намёка на добродушие не появилось.

— И то верно, — проворчал Прошка и вытащил за дверь ведро и корыто, всё так обыденно, как в обычном хозяйстве. Сейчас бы сорваться, оттолкнуть его, да бежать. Вот только куда.

И снова мысль о неведомом князе с севера, что обо мне спрашивал.

— Акулина, а как он обо мне узнает? Да и нужна ли я ему нищая, да ещё и ведьмой обзывают.

— Такая красота кому ж не нужна. Я тут у вас клок волос выдрала, спрячу. Отнесу тому боярину, что мне платит, посмотрим. Вдруг что-то выгорит.

— Я, признаться, думала, что ты меня и правда по приказу князя подготовила, боялась, что он ко мне ночью придёт и попортит. Страшно-то как мне. Очень страшно. В полной власти я...

— Уж сейчас-то у него смотрины, вот я и пользуюсь, уж дня три-то у нас есть. А посла, кто знает, может эта Виринея, такая сладкая, что князь-то после первой брачной ночи и не вспомнит о вас.

— Твои слова, да Богу в уши. Хоть бы эта полька стала для князя первой зазнобой.

Но смотрю на Акулину и как она морщится, и понимаю, невелики шансы у этой Виринеи перебить мою огненную шевелюру.

— Ешьте, а я побегу. Надо ваши волосинки отнести, магическим способом вас посмотрят, не хочу попасться на глаза старшей горничной.

Девушка оставила гребень, и всё, что принесла для меня, разулась и поставила под кровать свои чуни. А сама в одних чулках убежала по своим и моим делам. Видать и правда очень хорошо ей платит боярин, раз так отчаянно для него работу делает.

Пока есть время, буду неустанно молиться о помощи, не может же быть так, чтобы северный князь в такую даль едет, и не найдёт способ, как меня из темницы выволить...

Такого просто быть не может.

И кто же это, интересно, так обо мне тайно заботу проявляет, что и медальон папеньки с портретом бабушки отправил. Но на том портрете обычная красавица, а теперь совсем иначе выгляжу, точно, как ведьма.

Вздыхаю и продолжаю чесать свои влажные кудри, а на сердце вдруг отпустило и даже потеплело как-то. Не одна я, и не брошена на забаву очумевшему князю. Кто-то про меня помнит.

Глава 6. Гостеприимство

Приехать в Москву оказалось гораздо проще, чем найти себе пристойное, надёжное размещение. Фирс Демидович и Роман Андреевич решили проехать верхом в городскую управу, попытать удачу по служебным связям. Архип остался на постоялом дворе с обозом, коням дать передышку, напоить, овса отсыпать да расспросить о приличных домах, хоть бы купцов, уж они многое знают.

Но северянам здесь не рады, к тому всё и сводят, что из приличных домов вряд ли кто сдаст помещение, а простенькое, хоть бы и здесь, чем не пристанище.

Простенькое – не то слово. Халупа на окраине, для князей неподходящее место.

И в городской управе встреча не заладилась, тишина, только пара престарелых писарей сидят, что-то перьями скрипят по бумаге, нехотя сообщили, что глава бывает только во вторник, да четверг, дружину управскую сам князь распустил и дела вершит собственной волей. Вот и весь сказ.

— Ну, выходит, у них тут с нарушениями порядка полный порядок, засим и управу упразднили, ибо к чему, если все в благочестии живут, — недовольно поморщился Фирс, выйдя на скрипучее крыльцо, какое бы тоже ни мешало поправить.

— Чудится мне, что даже в Пскове под гнётом графа дела лучше обстояли. Раз не получилось по службе сойтись с Московскими, то остаётся два варианта. Первый – это воспользоваться приглашением боярина Морозова и расположиться в церковном постоялом дворе. Второй вариант, разместиться на подворье боярина Елизова Леонида Гавриловича, насколько помню, он богат, и в письме к себе звал.

— А не передумал ли? Если здесь секта всем заправляет, то ради спасения все могут своё мнение поменять, — Фирс уже сел на коня, но пока не решил, куда же ехать.

— Предлагаю заехать к Елизову, а потом на церковный двор.

— Будь, по-вашему. Куда ехать, знаете? Показывайте дорогу, мы за вами.

Орлов осмотрелся, немного повспоминал описание из письма, уточнил адрес у прохожего, и через минут двадцать привёл Фирса и дружинников к довольно зажиточному особняку. Немедля несколько раз стукнули кованым кольцом о тяжёлую дверь.

На удивление им сразу и открыли, словно ждали.

— Дома ли хозяин?

— Дома, как доложить, господа? — как-то слишком спокойно спросил дворовый парень, а ведь перед ним пять верховых, да крепких. Но тут, видимо, трусливых нет.

Фирс себе этот факт подметил, да и ощутил некую силу, что скрыта в стенах этого особняка.

Гости переглянулись, свой тут живёт, вот в чём секрет и письма, и приглашения. Елизов с Новь-града переселенец, и магией обладает, пусть не такой сильной, но постоять за себя может.

— Спешиться, сейчас хозяин к нам выйдет!

Через несколько минут на широкое крыльцо вышел крепкий старик, в домашних одеждах, и с высоким посохом.

Поклонился, и князя со своими дружинниками в ответ сделали низкий поклон, из уважения к возрасту хозяина.

— Здравия желаю. Уж я заждался, прошу прощения, не признаю кто из вас, кто? Вы, наверное, сын Андрея Сильвестровича — Роман Андреевич Орлов, а вы Фирс Демидович? Премного наслышан о ваших подвигах. Где ж моя молодость, а то бы к вам в дружину...

— Благодарствуем за добрые слова, всё так. Дела и многотрудные переговоры в Твери нас задержали, непростое дело привело с посольством. Вот и стараемся, убеждаем всех князей, о пользе единства нашего государства.

— А как же? Налегке, или кареты где-то оставили?

— Да оставили, ищем постой для своего немногочисленного посольства. Недаром харчеваться, за всё бы и платили с радостью.

— Отправьте своих пару пареньков с моим хлопчиком, пусть приезжают. Разместим всех, да не обеднеем. Проходите в дом, сейчас баньку приготовим, покои устроим, и дружинников ваших разместим по всем правилам. Знаете же, что я с Новь-града, вы для меня не чужие, а уж новости-то такие приятные, про объединение земель давно мечтаю.

Под разговоры старик сам проводил дорогих гостей, челядь засуетилась, всё веселее в доме, когда гости, да такие приличные, да пригожие.

— Располагайтесь, сейчас всё устроим. И ужин, и баню. О делах после поговорим, может, завтра, как пойдёт.

Князья выдохнули с облегчением. Все опасения о московском гостеприимстве развеялись. Через час приехал Архип с каретами и немногочисленной дружиной, всех быстро разместили, тут же и в баню позвали. Прачка, женщина крепкая, но добродушная, забрала мужское бельё и пыльные одежды, сказав, что через день-два всё вернёт, что надо подштопает.

— Как-то слишком уж хорошо нас встречают, — прошептал в бане Роман, появилось некое подозрение, что похоже на какую-то хитромудрую ловушку.

— Нет, ловушки тут нет. А страх есть. Ему либо уезжать с семейством обратно в Новь-град, всё нажитое здесь бросить, либо попытаться с нашей помощью порядок навести.

— Это всё настолько здесь всё плохо?

— Эх, Роман Андреевич, кабы ещё не хуже...

Быстро намылись, вениками нахлестались, уж по бокам друг друга знатно охаживали, чтобы дорожную усталость выбить, и завтра в бодром здравии на прямых ногах ходить, а не на полусогнутых, после долгой дороги. Освежились ледяной водой из колодца. И почуяли в себе силы, можно хоть в пляс, да не в том они настроении.

Щедрый ужин окончательно разморил уставших гостей. Стоило буйным княжеским головушкам до подушки приложиться, сон и сморил, да такой крепкий, что и дома не всякий раз так выпастись удаётся.

«Бум, бум, бум!»

Ещё темно, непривычно, в Новь-граде светает много раньше, показалось, что вот только уснули.

— Что-то случилось, кто стучит? — проворчал Архип, потягиваясь. Разместились они втроём в очень просторной горнице, бывшей гридне, так показалось надёжнее.

— Простите, вас срочно зовёт Леонид Гаврилович, кто-то важный с новостями пришёл, вас требуют!

Тихо позвал женский, настойчивый голос.

— Поспешим. Что-то важное, мы во дворце-то и не представлялись, посыльного пока не отправляли! — проворчал Роман, но поспешил умыться, да собираться.

— В управу заезжали, того более чем достаточно. Уже донесли, — Фирс уже чуть не собранный стоит, как им с Архипом удаётся так быстро собраться.

Ждут, пока полусонный Роман приведёт себя в порядок, но молчат, не подгоняют.

Собравшись, взяли небольшую лампаду и поспешили в большой дом по крытому переходу, стараясь не гроыхать сапогами по деревянным полам.

— Доброго утречка, господа, не успели вы пожаловать, а дела уж завертелись с новой силой и ужасные дела-то! — хозяин дома сидит у широкого дубового стола с кружкой горячего взвара, а рядом невысокая, крепкая девица, слегка смущённая, уж какие красавцы вошли в трапезную, что даже самая бойкая засмущается.

— Доброе утро! И что за новости? — Фирс сразу взглянул на девицу, а та улыбнулась, чувствуя, что сейчас всё внимание для неё.

— Это Акулина, она во дворце горничная. Вот насилу отыскала во множестве закутков и келий пленницу князя. Пришла с рассказом.

— Пленницу? — переспросил Роман Андреевич.

Девица бойко кивнула.

— Значит, так дело было. Я её, княжну Елену Иоанновну-то на смотрины собирала, запомнила её, хорошая, ласковая, добрая. Не такая красивая, как многие, но знатная и богатая. Да и сиротка. Вот собрала я её, по всем правилам, на этих сборах у нас князь в оконце смотрит, не шибко там, что и видно, но здоровье и характер сразу понять можно, и Юрий Борисович выбор-то сделал, прельстился на богатства и на древний род Волконских, да и на нрав спокойный, не дурнушка была...

— Была? — снова переспросил Орлов, и тут на него всем очень захотелось псыкнуть, но он прав. Странно, почему была, что же стало с девицей. Акулина сразу и выдала жестокую правду:

— Князь её выбрал, объявить-то не успели, но других девиц со смотрин по домам отправили. И в эту же ночь Елена померла.

— Твою ж осину под топор. Убили?

— Выходит, что так, — пролепетала испуганная дева, от Фирса неожиданно вострепёнувшая магия всех обдала жаром, захотелось сбежать и спрятаться. Леонид Гаврилович с великим любопытством посмотрел на гостя, не ожидал такой мощи, на секунду показалось, что зря, очень зря ввязался в сие мероприятие.

Это ж как открыто объявить войну и князю, и многим Московским. Но вместо ответа, сделал глоток взвара. С другой стороны, если девица умерла, то тут уж никакие личные мотивы не в счёт. Обойдётся посольскими делами, не так уж подозрительно у себя принимать своих же.

— Значит, опоздали? — опечаленный Орлов сел к столу и протянул руку к одной из кружек.

— Я, простите, не смею далее-то сказать. А вдруг вы посчитаете княжну ведьмой и вовсе отвернётесь, а она так в помощи нуждается, что и подумать страшно. Что с ней ополоумевший наш князь-то сделает. Он же воет под её дверь, зайдёт, потрясёт его всего, и как ошпаренный выбегает.

— Акулина, да что ты как сорока. По порядку говори! Оплакивает? Так полюбил, что и похоронить не даёт? — не выдержал боярин и пристроил девицу, чтобы не сбивалась она с пути ровного.

— Ой, я же главного-то не сказала. Значит, её по приказу какого-то упыря окаянного, опоили ядовитым сбитнем, она и померла. Мы с Тоськой-то обмыть успели, и как начали собирать в гроб-то, пару дней мёртвая лежала, священник приходил, молебен прочитал, а как свечу ей в руку поставили, воск капнул, она глаза и открыла. Было темно, мы свет-то поднесли и обомлели. Изменилась она, вот вам крест! Вообще, иная стала. Глаза серо-зелёные, когда злитесь, так вообще кошачьи. Волосы кудрями завились, были-то желудёвые, цветом-то, а теперь огонь. Отощала, но кожа теперь белая как снег. И голос журчит как ручей весенний, не говорит, а поёт.

Орлов кружку не удержал, не упала на стол, но расплескался напиток.

Да никто и не заметил сего конфуза.

У всех на уме одна мысль: неужто ещё одна дева, как Катерина Матвеевна, магией одарённая объявилась...

Глава 7. Печальные известия

Князья переглянулись, и уставились на Акулину с немим вопросом. Та, довольная высочайшим вниманием, покраснела и продолжила рассказывать «небылицу».

— Она в себя-то пришла. Но видать плохо ей нестерпимо, на пару дней как в сон провалилась. Этот пакостник Антипий нас разогнал. Приказал молчать, иначе языки отрежет. И утащил её в подвал. Спрятал от князя. Мы-то не дуры, шепнули и сплетни по дворцу разнесло как пух по ветру, что так и так, уж такой красоты стала Елена, что солнце с луной любят. Это чтобы Антипий её втихую не порешил. До князя, сия «новость» к обеду-то и дошла. Он потребовал показать несчастную, сам в подвал спустился. А вышел уже с ней на руках. И голову-то ему повредило. Орёт, что невесту ему подменили. Что настоящая Елена померла и тело украли враги, с её опекуном во главе, уж такое началось. Однако и новую Елену не отпускает от себя. И при этом жениться не собирается, хочет взять за себя польскую графиню, для отвода глаз, а жить с нашей княжной и без законного права.

В гостиной воцарилась тягостная тишина. Дело оказалось в разы хуже и опаснее, чем предполагалось. Налицо несколько тяжких преступлений. Да и где это видано, чтобы самую знатную княжну понизить до девки только потому, что волосы иного цвета стали.

— Вот у нас какие дела творятся, други мои. Уж думал меня ничего не удивит, ан нет! Наш князь превзошёл все мои ожидания. Это надо же такое вероломное надругательство. Ведь я его подозревал в смерти моего друга Иоанна Волконского, соперничество за власть было нешуточное. Да вот Голицын смог обойти всех, при помощи каких-то сил. Что с Еленой приключилось – это закономерность чреды прошлых событий. Не быть ей его женой, взаимное проклятье родов силу имеет, извечное соперничество. А опекун княжны наплевал на принципы, и видать хотел от наследницы избавиться, может сам и отравил на смотрины. Что странно, он её ото всех прятал с осени, уж как она на смотрины попала – чудесная загадка, даже клан обойти смог, видать, было какое-то у него право.

— Так, пора наведаться к этому опекуну и посмотреть его дела, — Фирс уже собрался взяться за расследование, но заметил, как у девушки сморщилось личико, видать не всё ещё поведала.

— Вчера князь во всеуслышание обвинил боярина Корнеева в измене, и что-то там произошло в кабинете до жути грозное, только выволокли «дядюшку» Елены еле живого, впихнули в карету и заставили увезти домой – помирать. Дожил ли до утра? Удар хватил, поди.

— Это всё? — уточнил Елизов, замечая нетерпение Акулины, что ей пора возвращаться, пока во дворце не хватились.

— Да, я вот как вы просили давеча, несколько волосинок принесла.

Девушка достала из кармана небольшой обрывок ткани, развернула и положила на стол у свечи.

Несколько ярко-красных волосинок, скрученных в тугое кольцо, лежат, как улика, даже страшно дотронуться и узнать, что произошло с несчастной. Страшно, что не сдержат в себе магию и тогда начнётся такое, что никому мало не покажется.

— Роман Андреевич, ты первый. Я за себя не ручаюсь, уж так могу разозлиться, а это пока лишнее.

Орлов протянул руку и взял огненную драгоценность.

— Мать Божья, она действительно восставшая. Точно, как наша Катерина Матвеевна. Но магию не признаёт, а та пока не прорывается на волю. А как прорвётся, одному Богу ведомо, какие за ней силы встанут. Спасать нужно Елену срочно, помочь. Иначе...

Фирс не выдержал, очень уж интересно стало, взял волосики и вздрогнул.

— Да, но силы в ней спят, и на волю не рвутся. Может это, последствие от возрождения, и со временем сойдёт на нет. Но одно знаю точно, пора действовать. Сейчас собираемся и к этому «опекуну» непутёвому, что-то есть на его счёт очень противоречивые подозрения. А потом во дворец, сразу рубить правду не будем, потому что не уверен я в силе девицы, это скорее сила испуга, после возвращения с того света не сразу человек самим собой становится. Взглянем и попробуем призвать князя к совести. За рамки закона пока заходить тоже не смеем. Девица важна, но наше первое дело важнее и конфликты нам ни к чему.

Фирс как-то слишком спокойно посмотрел на Акулину, и Орлов понял, что сейчас сие сказано для неё. Чтобы не болтала лишнего.

Боярин Елизов вдруг полез в карман и достал кошелёк. Отсчитал десять монет, отдал девушке.

— Молодец, поддерживай княжну, куда можешь, сама не рискуй, князю и его припешникам на глаза не попадайся. Как новости появятся, дай знать.

— Слушаюсь, я пройду, с мамкой поздороваюсь и назад во дворец.

Поклонилась и вышла. А мужчины вздохнули с облегчением, что у девицы есть приличная отговорка, мол, мать навестить – дело святое, а что и с кем говорила – это уже никого не касается.

— Завтракать, и на подворье к опекуну Корнееву. Постараюсь его на ноги поставить, возьмём его за шкуру и притащим во дворец с требованием от законного опекуна выдать невинную деву, насильно удерживаемую князем. Сие законно, тут можно и церковь пригласить для поддержки, уж они тоже должны о сироте позаботиться.

— Хорошая мысль, сейчас отправлю его преосвященству записочку, пока вы с Корнеевым занимаетесь, уже и ответ получу. Если всё так, как сказала Акулина, и священник видел, как бездыханная дева лежала в гробу, то нас ждут великие сложности. Церковь может и не поддержать на суде, и если князь что-то против Елены задумал – то проиграем. Тут надо давить на то, что деву кто-то опоил и магию на неё навёл, так и напишу, что она жертва лютой несправедливости.

Фирс улыбнулся, сам хотел ровно эти слова сказать, да проворный боярин опередил.

Затеппилась надежда, что дело вскорости разрешится самым лёгким способом. Уж перед свадьбой князя самое время призвать к совести, чай не девку удерживает и не преступницу, а невинную жертву.

Не посмеет, поди, посольству отказать...

Стоило молодым князьям остаться одним, Фирс негромко сказал о своём виденье:

— У девицы-то в наследии боевая магия. Она одна весь дворец разнесёт, с такой-то силой. Но ежели примет. Есть у меня одна идея. Думаю, что идти надо с хитростью, но напролом. И по стезе, что обозначил боярин. Он всё верно сказал, давить на то, что она жертва. Я это объявлю, а ты как лекарь поддакивай! И лицо делай озадаченное, вот как сейчас!

— Я и так уже понял вашу задумку. Но она же может и двояко обернуться – костром, и не только девице, но и нам. Здесь хитростью можно вообще всё испортить, что, если тут тоже есть кто-то, кто эту запретную силу почует. В Москве люди вообще к магии настороженно относятся, — Роман отодвинул пустую плошку, в какой была жаренная на сале яичница, вытер салфеткой рот и попытался остудить пыл Фирса.

Но разговор пришлось отложить, Архип доложил, что кони готовы. Можно поспешить.

— Проверим этого дядьку-опекуна, во дворец всё равно слишком рано.

Поездка к особняку боярина Корнеева заняла не так много времени, а беседа и того короче. Архип свистнул, заставив дворовых псов залиться лаем, дворовый человек выбежал, с непокрытой головой. Лицо испуганное, думал, что от князя верховые.

— Доброго утра, мил человек, мы к твоему хозяину...

— Недоброе, господа хорошие! Ох, недоброе. Опоздали вы.

Князья уже уловили трагизм ситуации, а Архип ещё нет, лай собак не позволил сосредоточиться, и воевода переспросил:

— Уехал куда?

— На тот свет! Вчера его от князя, как побитого пса привезли, токмо жене простонал, что обобрали нашу Елену, и за исповедником послать не успели...

— Признаться, я того и ожидал! Всё, уезжаем, не стоит нам тут долго быть. Не наш грех! — прорычал Фирс, ощущая в себе раскалённую злость, того и гляди искры полетят.

Князь Голицын потерял все пределы совести. Самодурство им овладело. Если так дерзко с Корнеевым обошёлся, то и с Еленой церемониться не будет.

— Чую, что у князя в голове черти воду мутят, надо под любым предлогом Елену вытаскивать, сейчас и поспешим, — негромко предложил Роман, и уже коня повернул от двора боярского, но Фирс Демидович притормозил.

— А нет ли у тебя подозрения, что дева одержимая? Пока ехали, думал о деле и предположил такое, с того света не все магами-то возвращаются. Иногда и с бесовской начинкой. А у нас таких экзекуторских способностей нет.

— Тем более, вы тут на посольстве останетесь, а я повезу её в Новь-град, лечить! — еле сдерживаясь, крикнул Роман Андреевич и прищипорил коня, чуя неладное во дворце.

— Ну, как знаешь. Так, тоже можно поступить. Ох, не так я собирался политику чинить, совсем не так. Переругаемся, будет нам из-за Елены распрекрасной распря. Вместо союза.

Архип слушал разговоры князей и как только они замолчали, вставил свою полушку в диалог:

— Уж какие тут мирные переговоры, у князя кукуха напрочь сбилась, судя по делам, не Елену от одержимости лечить-то надо, а самого князя. В нём корень зла!

— Истину глаголешь! Ну раз надо, вернём ему кукуху на место, или петуха, посмотрим, что он за птица такая, — хмыкнул Фирс, и они поспешили за Орловым во дворец, пока только представиться и объявить цель визита, а далее, как повезёт.

Но предчувствие нехорошее закралось в душу, магическая сила вдруг приняла боевую готовность, Фирс Демидович мельком осмотрелся, кроме нечисти, типичной для города и нет ничего опасного.

— Слышите? Это призыв о помощи! Что-то сейчас во дворце происходит, конец нашей дипломатии, ох чую ждёт нас драка!

Глава 8. Накануне вечером

Дворец Юрия Борисовича

Вечером внезапно, наперегонки, да расфуфыренные примчались две боярышни. Стоят в просторной гостиной, очами страстными прожигают друг дружку, явно рассчитывали, что каждая первой приедет и у князя не останется иного выбора, как первую и взять за себя.

Но он долго не принимал, даже лакеи учтиво кланялись, но вразумительного ответа «невестам» дать не смогли, доколе сидеть и ждать.

Агриппина, дева постарше, но и краше, решила несколько смягчить соперничество. Улыбнулась и сладеньким голоском промурлыкала, подозревая, что князь уже давно наблюдает, как это бывает на смотринах, да вида не показывает, решение не принято. Значит, есть шанс взять сию неприступную крепость.

— Любомила, душечка, не таких вы богатых семейств, право же, поезжайте домой, не треплите свою душу.

— Ах, какая хитрая, нет уж. Князь пригожий, красавец, первый мужчина в княжестве и вдовец, он мне нравится, даже более скажу, сердечко трепещет, когда вижу его и слышу голос. А как представляю его крепкие объятия, так и дышать забываю.

Выдала признание и улыбнулась, тоже понимает, что кто-то за ними наблюдает, так почему не признаться в сокровенном.

Не успела Агриппина ответить, как двери распахнулись, девицы встрепонулись, надеясь, что это предмет их страсти, наконец, пожаловал. Но к великому разочарованию увидели третью соперницу. Красивую, слегка сердитую панночку. Разодетую по последней европейской моде, с осиной талией и пышной грудью в глубоком вырезе. А высокая причёска добавила Виринее роста, уж вошла как королева. Окатила ледяным взглядом соперниц, прошла вперёд и грациозно присела на край широкого кресла.

Терпкий запах духов, пышный веер и дерзкий наряд заставил боярских дочек занервничать.

Наконец, к девицам вошёл смущённый секретарь, поклонился и доложил:

— Сударыни, князь занят важными государственными делами, просил извиниться и пригласить вас по комнатам, завтра утром, с вами составят беседу, и объявят о решении Его сиятельства. Уж не извольте сердчать.

— Вот как? Не изволить сердчать? Что себе позволяет князь? Я в чужом доме оставаться на ночь не намерена, передайте князю мои искренние извинения, но девичью честь порочить не позволю. Захочет посмотреть, пусть приезжает сам.

Графиня Яновская резко встала, сложила веер и направилась к выходу, не обращая внимания на довольных соперниц и на секретаря, пытавшегося было остановить беглянку. Но всё напрасно.

Панночка настроена решительно, высоко подняв голову, сделала несколько шагов и вдруг остановилась. Перед ней оказался сам князь.

— Уже уходишь, красавица, даже ароматный чай не отведаешь?

— Знаю я ваш чай! Очнусь утром непонятно где! Кабы не папенька и сейчас бы не поехала, — неожиданно прошипела как кошка на пса, и так сверкнула глазами, что Юрий, не привыкший терпеть отказы, схватил Виринею за руку и потащил куда-то в комнаты, крикнув

через плечо секретарю, что свой выбор уже сделал. Остальные влюблённые в него боярышни, пусть едут по домам.

— Я не хочу за вас замуж! — ещё раз прошипела сквозь зубы. Но как тут сопротивляться, когда тебя сейчас готовы волоком тащить.

— Мне такая и нужна. Я на тебе женюсь, если надо, то силой. Мне нужны связи твоей семьи, вы нищие, не сегодня завтра милостыню просить, или того хуже, в долговой яме обеснуетесь. Так что у твоего отца разум есть, а у тебя спесь. Но её я быстро излечу. Сейчас же даю согласие на женитьбу. А тебя, чтобы не сбежала до светлого дня под замок.

— Как княжну Елену?

Вопрос Виринеи заставил князя остановиться и посмотреть на невесту.

— Тебя Елена не должна волновать. Ты меня терпеть не можешь, вот и хорошо.

— За дуру меня держишь? Опозорить хочешь? Что-то мой отец тебе сделал? Или какая причина? Я не дурында, как те боярышни, пусть не в политике, но в светской жизни разбираюсь. Что тебе мешает на Елене жениться, как изначально объявлено было?

— Отравили Елену, умерла невеста моя. Тебя травить твои же не будут. Думаешь, я не знаю, кто поднёс ей бокал с таким ароматным сбитнем, что и терпкий запах яда притаился. Она выпила и погибла. Дядька её продал сироту вашим, на убой подписал. Наследство хотел забрать.

Виринея случайно остановилась у стены, и это не позволило ей упасть. Такое ужасное обвинение да из уст самого князя – считай петля на шею обеспечена, и это после несчётного количества ударов розгами.

Ноги подкосились, и девица по стенке сползла на пол. Пышная юбка приподнялась, заполнила собой узкий переход в следующую комнату.

— Ваше сиятельство, клянусь всеми святыми, я впервые слышу обо всём, что вы сейчас сказали. Мой отец ни разу ни словом, ни делом, даже взглядом на подобное злодеяние не посягнул. К нам, бывало, заезжали купцы, но то дела простые, чтобы наше бедственное положение поправить. Сами знаете, нас кто-то спалил, и товары наши, и пожитки. После того оправиться не можем уже почитай шестой год. Ко мне посватался один немолодой герцог, обещал поправить дела семьи. Всё как на духу вам рассказала, более ничего не знаю. Умоляю, не позорьте! Не любя я вам, отпустите.

— Ты могла и не знать, только твой отец такого рода яды в Москву привозит, его уши из этого дела за версту видны. Специально убрал княжну, чтобы тебя подсунуть. Вот, подсунул! Я тебя взял, и все довольны! Все, кроме тебя и меня! А Елена теперь совершенно иная, никто в ней прежнюю деву не признаёт. И жениться на ней я не могу, ведьмой она стала, ведьмой. Посему женюсь на тебе, чтобы всех ваших при себе держать, как псов на коротком поводке. Но ты мне даже нравишься, не думал, что такая разумная да прозорливая, быстро смекнула, откуда гнилью тянет. Вставай, из моего дворца тебе только два выхода, либо яд, как Елене, либо со мной под венец, но чтобы твой отец принёс клятву верности, иначе весь ваш род изведу, даже бастарда, уж за мной не заржавеет.

Испуганная панночка заскулила, осторожно поднялась и на негнущихся ногах пошла вперёд, князь её пару раз подталкивал в нужном направлении.

— Вот твоя келья, на эту ночь. Завтра ранним утром жду твоего отца на переговоры.

— Ах, не губите. Герцог Магнус от меня откажется, и это будет крахом, окончательным крахом нашей семьи.

— Об этом твоей семье надо было думать, когда решились убрать соперницу, зачем? Раз какой-то герцог уже в кармане? Зачем они тебя силой мне в невесты тащили?

— Я не знаю? Спросите у отца. Но если так, и моё наказание – замужество, то я согласна. Девушки по вам сохнут, заглядываются на вашу красоту. По мне, так дикую и неотёсанную. Но я смирюсь. Уж лучше молодой князь, чем пожилой герцог, каким его описывают.

Проговорила вдруг слишком спокойным голосом, но спокойствие это только разозлило Юрия, вышел и хлопнул дверью. Сделал несколько шагов и остановился.

Снова он рядом с той кельей, где заперта восставшая ведьма. Ведьма и есть. Сил нет терпеть, так захотелось взглянуть на неё, посмотреть в глаза, надеясь увидеть в ней человеческое...

Повернулся, прошёл по коридору до конца и вставил ключ в скважину, повернул и вошёл. Осознавая, что теперь такая тяга будет только возрастать и с каждым днём, и с каждой ночью всё сильнее. А если он её познает, то разлучит их только смерть. Проклятье его рода возьмёт верх.

В комнатке ещё утром пахло пылью, плесенью и страхом, но теперь вдруг почудился нежный аромат жасмина. Тот самый, какой ему более всего нравится...

— Кто ты? Что ты со мной делаешь?

Глава 9. Аромат жасмина

Темница наводит жуткую тоску, а моё незавидное положение – страх. Сколько нас таких «последних» из рода девиц на выданье пропадало за последние годы. Родни нет, считай пустое место, клан, может, на защиту и встанет, да только они ничего не знают, я же вроде как невеста князя, и всё законно. Одна надежда на слухи, что доползут они до нужных ушей. И меня потребуют выдать, только вот чем это обернётся. Прорычит князь обвинения, что я ведьма и все поверят.

Вздыхаю от безысходности, хоть бы ужин принесли обещанный, но за пустой посудой никто не пришёл, кроме Акулины других охотников общаться со мной нет. Может, и к лучшему. Пригрелась под колючим одеялом и задремала.

Странный сон приснился, словно иду по саду или пролеску, а вокруг цветущий жасмин, красота такая, что душа запела. А какой аромат, сорвала веточку, и мысль, что вот бы тут остаться, или хоть бы с собой взять цветы, чтобы затхлый запах в коморке перебить.

Любуюсь цветами, и вдруг навстречу из кустов вышла рысь. Да такая огромная, красивая, рыжая, глазищи как плоски и светятся, вышла бесшумно, села и смотрит, ждёт, когда я испугаюсь и побегу? Тогда нападёт?

— Прими меня! — вдруг промурлыкала огромная кошка.

А у меня и слов нет, только ветка в руке, но что я сделаю хищнику веточкой?

Вскрикиваю, а ответить ничего не могу, язык, как пчелой ужаленный. Словно мне что-то не даёт ответить этой рыси.

Так и стоим, смотрим друг на друга.

— Кто ты? Что со мной делаешь? — грозный рык князя спугнул огромную кошку и уничтожил сон, развеял. Вырвал меня из ароматного сада. Может и спас, только от чего.

Открываю глаза и смотрю на своего мучителя.

— Елена Волконская, та, кого ты захватил и удерживаешь незаконно. Больше мне сказать нечего...

— Это у тебя откуда? Что происходит?

Он вдруг пихает мне в лицо ту самую ветку с цветами, аромат жасмина окончательно прогнал сон. От страха вскакиваю на постели, прижимаюсь к ледяной стене и не могу поверить, я каким-то чудом принесла из своего сна ветку?

Или нет?

— Вы принесли мне эти цветы? — шёпотом спрашиваю, чтобы не взбесить князя окончательно.

— Откуда? До цветов ещё недели четыре ждать, ты точно ведьма. А ведь я надеялся, что тебя опоили, подстроили всё это, чтобы свою невесту подсунуть. Думал, что всё вернётся на свои места. Что же ты делаешь со мной? Душу вынимаешь, узлом завязываешь.

— Не пугайте меня, вы как одержимый. Может это не меня, а вас опоили? Может, вам всё это кажется? Честное слово, я так устала, глаза болят, дышать тяжело, душно здесь, холодно. Я никого не убила, чтобы меня вот так, как преступницу держать.

Пытаюсь достучаться до его разума, не выглядит он одержимым, может быть, осознает, что не прав.

— Лучше бы ты умерла! — простонал, и снова всё по кругу, рывком поднял, поставил перед собой на кровати, и теперь смотрю на него сверху вниз, и мои кудри спадают на лицо.

А перед глазами вдруг промелькнула морда рыси, уж наяву чудится.

А не его ли это образ, не его ли я принять должна, может оборотень? Точно ненормальный, его от меня уже трясёт.

Обнял, прижал к себе, лицом уткнулся и замер, словно слушает, есть ли у меня сердце. А оно в пятки уползло и бьётся через раз.

— Я ведь знал, что ты моё спасение, но они забрали тебя, настоящую. Забрали... Эх, будь что будет. Не жить мне без тебя, не жить.

И после этих ужасных слов проворные сильные руки начинают задира́ть мои юбки, пытаюсь отбиться, мой стон и визг разносится по дворцу, но никто не придёт. Если оцарапаю — убьёт.

— Пусти! Не смей!

Ладонью бью его по лицу, чтобы привести в чувства, да куда там.

— Не сопротивляйся, моя ты, моя. Если сейчас почувствую свободу, то женюсь на тебе, назову Еленой, все вы бабы ведьмы, так почему не взять тебя в жёны... Сдайся, утоли мою жажду, ох нежная, жасмин...

Мои юбки и бельё затрещали, делаю последнюю попытку отбиться, и вдруг он отлетает от меня на пол, словно его откинула неведомая сила.

Рысь его отшвырнула, и я её отчётливо вижу и, кажется, он тоже увидел. Замер, так и лежит на полу.

— Следующий раз не спасу, если не примешь! — проорчала кошка, повернула голову, посмотрела и пропала.

— Ведьма, что же ты делаешь?

— Это не я! Уйдите, ради всего святого, опомнитесь! Оставьте меня! — опускаюсь на колени, забиваюсь в угол кровати и замираю. Не понимая, кого теперь больше боюсь, ненормального князя или эту странную кошку...

Молча Юрий поднялся, отряхнулся и вышел. Ничего хорошего его молчание для меня не означает. Кажется, он принял решение и чувствую, что собрался меня сдать, как ведьму страшным людям. Лучше бы убил.

Укрываюсь войлоком и лежу, боясь пошевелиться, князь ушёл, а рысь где-то здесь, и я её чувствую, до утра так и не смогла сомкнуть глаз.

Всё, что было до этой ночи — цветочки. Чует моё сердце, что беды утром начнутся и нешуточные, не отвертится мне от злодейской секты, о которой все шепчутся, но никто не знает ничего доподлинно. А я для них отличный образчик ведьмы, князя свела с ума, заняла место якобы погибшей княжны и вообще, падшая. Уж ночные крики все по-своему расценят.

Дверь лязгнула, и в келью вошли двое мужчин в чёрных одеждах, не переставая, что-то бубнят себе под нос, какие-то неприятные заговоры на незнакомом языке. Даже не удивилась, когда с меня сдёрнули войлок и, не позволив обуться за руки, поволокли на улицу.

В центре двора небольшой костёр, и палач стоит, рожа красная, недовольная, он даже не соизволил маской прикрыться.

Толпа народа, откуда только собрались в такую рань. И князь сидит в кресле, а рядом несколько таких же мужчин в чёрном, наконец, решились выступить открыто, проявить свою власть?

— Эта ведьма заняла тело княжны Елены Волконской, одурманила нашего князя, навела на него порчу. Вот доказательство: цветы, какие у нас расцветут ещё не скоро, найдены в её келье. И в пособниках у неё бес в обличье дикой кошки. Эти преступления доказаны, мы чувствуем на ней силу тьмы. Посему приговаривается сия безымянная...

— Меня зовут Елена Волконская, он меня отравил, и его приспешники, чтобы отобрать наследство! — ору что есть сил, но мне тут же воткнули кляп в рот, сжали запястья сильнее, один ещё и за волосы схватил, чтобы смотрела я прямо на князя и не дёргалась. Чтение приговора продолжили.

— Посему приговаривается безымянная ведьма к клеймению руной, умиряющей магию зла, и пожизненной ссылкой на север в кандалах, чтобы не могла творить злодеяния, на какие способна по наущению чёрных сил!

И кузнец в этот момент плюнул на алое железо, проверяя, достаточно ли раскалилось клеймо. Делаю попытку освободиться, выкручиваю руки, выгибаюсь, но бесполезно.

Вот сейчас если бы рысь пришла и спросила, я бы крикнула ей: «Да!»

Князь сидит в своём кресле, почерневший и злющий, а рядом ещё одна его жертва, и её тоже держат двое, на моём примере учат, как надо жениха любить? Попала панночка. Уж на её лице и ужас и отвращение. Но она и пискнуть боится.

Все ждут последнего слова князя.

Моё сердце замерло, в ушах перезвон колокольный, начинаю задыхаться и терять сознание.

— Приступайте! — коротко приказал Юрий и даже не пошевелился.

Экзекутор поднял своё страшное оружие и уже идёт ко мне...

— Остановитесь! Вы не смеете причинять вред моей невесте! Сейчас же отпустите княжну Елену! — эхом разлетелся незнакомый сильный мужской голос, кто-то примчался за мной? Северный князь?

— Помоги! — ору что есть сил, но крепкая рука экзекутора снова зажимает мой рот.

— Продолжайте! — прорычал князь Юрий, но дёрнулся, обернулся, посмотреть на дерзкого нежданого «жениха». Я вообще ничего не вижу, кроме раскалённого железа. Оно всё ближе, один из сектантов рванул на мне платье и подтолкнул навстречу, чтобы клеймо быстрее достигло цели.

Вскрикиваю от боли или нет?

Потеряла сознание?

Открываю глаза и вижу над собой рысью морду...

— Сейчас самое время, с-с-скажи-и-и мне: «Да-а-а!»

— Да, — с хрипом вырывается из моего горла, и проваливаюсь во тьму...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.